

На самом деле я не хотел переезжать. Я думал, что сразу возненавижу наш новый дом. Но все получилось очень даже весело.

Я замечательно прикололся над родичами.

Может, это была не совсем удачная шутка, но мне понравилось.

Впрочем, все по порядку.

Мама с папой застряли в холле с грузчиками. Распоряжались, куда нести мебель и все коробки. И пока они там возились, я отправился на разведку. И нашел очень даже симпатичную комнату рядом со столовой.

Это был здоровенный зал в два окна. Окна выходили на задний двор. Солнечный свет озарял зал, и поэтому здесь было гораздо светлее и веселее, чем в других комнатах старого дома. Там, надо сказать, было слегка мрачновато.

Я сразу подумал, что здесь надо будет устроить семейную комнату отдыха. Ну, знаете, с телевизором, стереопроектором и, может быть, даже со столом для пинг-понга и прочими интересными штуками. Я уже представлял

себе, как все это будет. Но пока в комнате было пусто.

Только в углу одиноко катались два серых шарика пыли.

Они-то и подали мне идею.

Посмеиваясь про себя, я присел на корточки и слепил шарики пыли в два тугих комочка. Потом я вскочил и принялся орать дурным голосом:

— Мыши! Мыши! Спасите! Там мыши!

Родичи ворвались в комнату с таким видом, будто меня тут резали. У них челюсти поотвисали, когда они заметили в углу двух серых мышек из пыли. Я продолжал вопить:

— Мыши! Мыши!

Я изо всех сил старался изобразить панический страх. Якобы жутко боюсь мышей.

Мама остановилась в дверях. Она так и стояла с открытым ртом. Я даже испугался, как бы у нее зубы не выпали!

Вообще-то мама у нас — само спокойствие. А вот папа вечно паникует и напрягается. Он схватил прислоненную к стене швабру и принялся бешено колотить ею по бедным, ни в чем не повинным пылевым мышкам.

Я больше уже не мог сдерживаться.

Я ржал, как взбесившийся бегемот.

Папа ошалело уставился на шарик пыли, прилипший к швабре. И тут наконец до него дошло, что это был просто прикол. Он аж побавровел. А я испугался, что у него глаза выскочат из-под очков.

— Очень смешно, Джером,— спокойно проговорила мама, страдальчески закатив глаза. (Вообще-то все меня называют Джерри. Но когда мама сердится, она называет меня Джеромом).— Мы с папой ценим твою заботу о нас.

Конечно, с твоей стороны очень мило напугать нас до полусмерти, когда мы оба устали и все на нервах из-за этого переезда. Мы очень рады, что ты развлекаешься, пока мы стараемся тут все устроить.

Мама всегда так язвит. Наверняка свое чувство юмора я унаследовал от нее.

Папа задумчиво почесал лысину на затылке.

— Они были в точности как мыши,— проворботал он.

Я понял, что он не сердится. Он уже привык к моим шуточкам. Они оба привыкли.

Мама покачала головой:

— Ты ведешь себя как ребенок!

— А я и есть ребенок,— гордо заявил я.— Ведь мне двенадцать. По-моему, самый что ни на есть подходящий возраст для того, чтобы куролесить, прикалываться над родичами и выдумывать всякие штуки.

— Не умничай,— насупился папа.— И вообще... Знаешь, Джерри, тут работы непочатый край. Мы с мамой уже умотались. Мог бы помочь, между прочим.

Он попытался всучить мне швабру. Но я отскочил, выставив руки перед собой, как будто защищался от страшной опасности.

— Папа, ну ты же знаешь! У меня аллергия!

— Аллергия на пыль? — язвительно уточнил он.

— Нет. На работу!

Я думал, что родичи рассмеются, но они вместо этого пулей вылетели из комнаты, чертыхаясь себе под нос.

— Хотя бы за Плюшкой присмотри! — крикнула мне мама из коридора.— Чтобы она не вертелась у грузчиков под ногами.

— Ага, присмотрю! — крикнул я в ответ.

Плюшка — это наша кошка. Вот уж точно приплюснутое животное. Абсолютно рехнувшийся зверь. За ней присматривать — себе дороже. Все равно, если ей что-то втемяшится в голову, ее ничто не остановит.

Я хочу сразу сказать, что у нас с Плюшкой не самые теплые отношения. На самом деле я стараюсь держаться подальше от этой придурочной кошки.

Вообще-то считается, что кошки — это милые домашние звери. Вот только Плюшка об этом не знает. Ей никто этого не объяснил. Наоборот. Она ощущает себя маленьким, но кровожадным тигром. Или летучей мышью-вампиром.

Ее любимое развлечение — забраться повыше, к примеру на спинку кресла или на книжную полку, и сигануть оттуда тебе на плечо. Обязательно выпустив когти. Без когтей — это уже не развлечение. Я давно перестал считать, сколько футболок она мне изодрала. Между прочим, хороших футболок. И сколько крови я потерял.

Это не кошка, а просто стихийное бедствие.

Она вся-вся черная. Только на лбу одно белое пятнышко и второе — вокруг правого глаза. Родичи обожают ее до беспамятства. Вечно сюсюкаются: «Хорошая киса, славная киса...» Постоянно берут ее на руки, чешут за ушком и говорят, какая она вся из себя замечательная. Обычно Плюшка кусает их и царапается до крови. Но они почему-то ничему не учатся на своих ошибках.

Когда мы переезжали сюда, я очень надеялся, что Плюшка потеряется где-нибудь по

дороге. Не тут-то было. Мама лично проследила за тем, чтобы Плюшка села в машину первой. На заднем сиденье, рядом со мной.

И конечно же, эту притыренную кошатину стошнило.

Вы когда-нибудь встречали кошку, которую укачивает в машине?! Она сделала это нарочно. Просто из вредности.

В общем, как вы понимаете, мамину просьбу насчет присмотреть за Плюшкой я с чистой совестью пропустил мимо ушей. Вместо этого я пошел на кухню и открыл заднюю дверь в надежде, что Плюшка убежит на улицу и все-таки потеряется.

Потом я снова пошел на разведку.

Наш прежний дом был совсем-совсем маленьким. Зато новым. А этот дом был ужасно старым. Древним, можно сказать. Здесь все скрипело и трещало. Половицы, оконные рамы, двери... Как будто это сам дом вздыхал и кричал от старости.

Но в то же время он был огромным. Я обнаружил множество разных комнат, кладовых и чуланов. Один чулан на втором этаже был размером с мою старую комнату.

Моя новая комната располагалась в самом дальнем конце коридора на втором этаже. Здесь было еще три комнаты и ванная. Интересно, а что мама с папой собирались делать с тремя остальными комнатами?

Я хотел предложить, чтобы одну из них оборудовали под домашний зал видеоигр. Здесь можно будет поставить большой телевизор и подключить к нему игровую приставку. Я обожаю видеоигры. Могу часами играть. И как было бы круто занять собственный игровой

зал! Надо будет уговорить родичей. Обязательно.

Настроение у меня понемногу улучшалось. Не то чтобы оно было совсем уж плохим... Но мне все-таки было как-то грустно. Переезжать всегда грустно. И особенно в другой город, где ты никого не знаешь.

Я, вообще-то, не из плаксивых. Но, честно сказать, когда узнал, что мы навсегда уезжаем из Седервилля, то едва не разревелся. Мне действительно было грустно, когда я прощался с друзьями.

И особенно с Шоном. Шон — классный парень. Родичам он не очень нравится. Потому что он шумный и громко рыгает за столом. Но все равно Шон — мой лучший друг.

То есть он был моим лучшим другом.

Здесь, в Нью-Гошене, у меня пока не было никаких друзей.

Мама сказала, что Шон может приехать к нам летом и погостить пару недель. С ее стороны это был настоящий подвиг. Особенно если учесть, как ее бесит, когда Шон рыгает за столом.

Но настроение у меня все равно было кислым.

Однако сейчас я немного приободрился. Мне ужасно понравился новый дом. Я решил, что в соседней комнате можно будет устроить спортивный зал. Я буду не я, если не уговорю папу с мамой купить несколько тренажеров — из тех, что всегда рекламируют по телевизору.

Я не мог пойти к себе в комнату, потому что там были грузчики. Они как раз заносили мебель. Поэтому направился в самый дальний конец коридора. Там была еще одна дверь. Наверное, в очередную кладовку. Однако за дверью

я обнаружил узкую деревянную лестницу. Возможно, на чердак.

Подумать только, чердак!

Раньше у нас никогда не было чердака. Видимо, там полно всяких старых вещей... А среди старого хлама иногда попадаются очень классные штуки. А вдруг те люди, которые жили тут прежде, оставили на чердаке свою коллекцию старых комиксов?!

Я устремился наверх, подпрыгивая от восторга.

Когда я был уже на середине лестницы, снизу раздался папин голос:

— Джерри, куда ты идешь?

— Наверх,— отозвался я.

Хотя и так было ясно, куда я иду.

— Не стоит тебе подниматься туда одному,— сказал папа.

— Почему? Там что, привидения водятся?

Я был уже наверху. Папа поднялся следом. Деревянные ступеньки натужно скрипели под его ногами.

— Ну и жара здесь! — Папа поправил очки на носу.— Духота.

Он потянул за цепочку, свисающую с потолка. Зажегся свет.

Лампочка явно была не из самых мощных, но все равно стало хоть что-то видно.

Я огляделся. Это была здоровенная мансарда с низким скошенным потолком. Я вообще-то не очень высокий, но, встав на цыпочки, даже я сумел дотянуться до потолка.

Здесь были и окна — по одному крошечному круглому окошку на передней и задней стене. Но они были такие пыльные, что совершенно не пропускали света.

— Здесь пусто,— пробормотал я, ужасно разочарованный.

А вот папа, наоборот, воодушевился:

— Вот сюда-то и отнесем весь ненужный хлам, который жалко выбрасывать.

— Эй, посмотри... что это там?

У дальней стены я разглядел что-то большое и темное. Я пошел туда. Старые половицы отчаянно скрипели.

Что там такое? Действительно, что-то большое, накрытое серым мятым покрывалом. Может, что-нибудь наподобие сундука с сокровищами?

Воображение у меня богатое. Сам иногда удивляюсь.

Я попытался стянуть покрывало. Тяжелое, черт... Пришлось взяться за него обеими руками.

Я даже зажмурился в предвкушении того, что я сейчас увижу.

Но чего я действительно не ожидал найти, так это черное сияющее пианино.

А это было именно пианино.

— Ничего себе! — Папа даже присвистнул от удивления.

Он подошел ко мне и встал рядом, почесывая лысину на затылке. Это у него такая привычка. Когда папа чем-нибудь недоволен или удивлен, он всегда чешет лысину.

— Ничего себе! Почему, интересно, его здесь оставили?

Я пожал плечами.

— С виду оно совсем новое.— Я на пробу постучал по клавишам указательным пальцем.— И звучит хорошо.

Папа тоже потюкал по клавишам.

— Вполне нормальное пианино,— заметил он.— Очень хорошее пианино. Даже странно. Зачем его затащили сюда на чердак?..

— Здесь какая-то страшная тайна,— объявил я замогильным голосом.

Тогда я еще не знал, что это действительно страшная тайна.

В ту ночь я не мог заснуть. Не то чтобы мне не хотелось спать — просто что-то все время мешало.

Я лежал на своей старой кровати из бывшего дома. Но кровать стояла головой не в том направлении. И не у той стены. И свет от фонаря на заднем крыльце у соседей падал прямо в окно. Окно дребезжало на ветру. А по потолку пробежали тени. Туда-сюда. Туда-сюда.

Я долго ворочался и наконец понял, что никогда не смогу заснуть в этой новой комнате.

Здесь было все по-другому.

Она была слишком большой.

И даже немножечко жутковатой...

Очевидно, спать я не буду уже никогда в своей жизни.

Я лежал, глядя на тени, пляшущие на потолке.

И наконец расслабился и даже, кажется, задремал... Но тут я услышал музыку.

Кто-то играл на пианино.

Сначала я решил, что музыка доносится с улицы. Но потом до меня дошло, что звук идет сверху. С чердака!

Я сел на постели и прислушался. Да, кто-то там наверху играл на пианино. Какую-то классическую музыку.

Я отшвырнул одеяло и опустил ноги на пол.

Интересно, кому взбрело в голову подняться на чердак и играть на пианино посреди ночи?! Это точно не папа. Папа и ноты-то правильно не сыграет. А мама умеет играть только «Собачий вальс», да и то с пятого на десятое.

— Может быть, это Плюшка?

Я встал с кровати и замер, прислушиваясь. Кто-то там наверху продолжал играть. Очень тихо. Но я все равно различал мелодию. Каждую ноту.

Я направился к двери и в темноте налетел на коробку с вещами, которую еще не успели упаковать. И больно ударился большим пальцем.

— У-я!

Я схватился руками за ушибленную ногу и держал ее так, пока боль не прошла.

Я знал, что родители меня не услышат. Их спальня была на первом этаже.

Я снова прислушался, затаив дыхание. Музыка наверху продолжала звучать.

Я вышел из комнаты в коридор. Теперь я старался идти осторожно, чтобы во что-нибудь не врезаться опять. Под ногами тихонько поскрипывали половицы. Пол был холодным как лед. А я был босиком. Но я не стал возвращаться за тапками.

Я осторожно приоткрыл дверь на чердак и заглянул в темноту.

Музыка доносилась сверху.

Такая печальная музыка. Очень тихая. Очень грустная.

— Кто... кто там? — выдавил я.

Музыка продолжала играть. Казалось, она плывет сквозь крошечную тьму вниз по лестнице — плывет прямо ко мне.

— Кто там? — повторил я уже смелее, хотя у меня все равно дрожал голос.

Но мне снова никто не ответил.

Я встал на нижнюю ступеньку лестницы и задрал голову, вглядываясь в темноту.

— Мама, это ты? Папа?

В ответ ни слова...

Только музыка плыла в темноте, тихая и печальная.

Я и сам толком не понял, как так получилось, что я стал подниматься по лестнице. Я понял это, лишь услышав гулкий скрип ступеней у себя под ногами.

Наконец я поднялся наверх.

Здесь было жарко и очень душно.

Теперь музыка окружала меня со всех сторон. Казалось, что она доносится отовсюду.

— Кто здесь?

Я очень старался, чтобы мой голос звучал спокойно, но у меня не очень-то получилось.